
ВЕТЕР. 2040
18+

Константин Ефремов
Ветер. 2040

https://litres.ru/75025362
SelfPub; 2026

Аннотация

2040 год. Война пришла туда, где её не ждали. Москва — мёртвый город, выжженный точечными ударами. Фронт отодвинут до Уральских гор. Константин Морозов, обычный предприниматель, мобилизованный как все, получает кибернетический протез левой руки — с датчиком Гейгера, модулем связи и лазерным автоматом, который стреляет сам.

Но настоящий враг — не на той стороне линии фронта. Настоящий враг — это страх, который привёл человечество к этой войне, и привычка считать, что «со мной этого не случится».

Это история о человеке, который всю жизнь боялся войны, а когда она пришла — научился не прятаться за собственной рукой. О времени, которое остановилось на часах «Амфибия» в 2:40, и о том, как его снова запустить. О собаке по кличке Снег, которая чует беду раньше датчика Гейгера. О стихах, которые он писал всю жизнь — чтобы не сойти с ума, чтобы запомнить, чтобы «зашить» ужас в слова.

И о том, что даже на войне можно остаться человеком — если помнить, откуда ты родом.

Содержание

Глава 1. Человек, который не хотел войны 8
Глава 2. Москва 15
Глава 3. Почему они воюют 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Константин Ефремов
Ветер. 2040

Роман

Название: «Ветер. 2040»

Жанр: военная антиутопия, научная фантастика, социальная драма

Объём: ~320–340 страниц (A5, 12–13 кегль)

Аудитория: 18+

Константин Морозов — обычный предприниматель из Москвы. Когда объявляют всеобщую мобилизацию, он понимает: перед войной все равны. Его отправляют на Урал, где фронт стабилизировался после того, как Москва была уничтожена точечным ядерным ударом в 2:40. Часы деда — «Амфибия» — останавливаются в ту же минуту.

На Урале Константин получает кибернетический протез левой руки: датчик Гейгера, модуль связи и лазерный автомат, который стреляет сам. В первом бою протез убивает трёх человек без его приказа. Константин понимает: он мог отключить протез, но не отключил — потому что боялся, что следующий бой станет последним.

Сержант Ворон объясняет ему правду о войне: мир с Украиной был подписан, но война не закончилась. Европа не может признать, что двадцать лет строила политику на образе врага. США заинтересованы в затяжном конфликте. Ки-

тай — «союзник» на бумаге. Война продолжается не потому, что кто-то хочет победить, а потому, что кому-то выгодно, чтобы она не заканчивалась.

Константин учится не подавлять протез, а направлять его. Вера, медик, чинит его часы. Время идёт: 2:41, 2:42, 2:43. Война заканчивается тишиной. Константин возвращается в Москву, открывает мастерскую. Приходит письмо от Ворона: на Урале есть посёлок, отрезанный от связи. Константин едет — чинить ретранслятор. Потом едет на север — к матери. Снег, белая лайка, которая прошла с ним всю войну, остаётся рядом.

Всю жизнь Константин писал стихи — тёмные, рваные, честные. «Рябина» — о Москве до войны, о хрущёвке, о мусорке, о целлофане на рябине. «После» — о мёртвом городе. «Рука» — о протезе, который стреляет сам. «Время» — о том, как время идёт. «Мать» — о женщине, которая ждёт на севере. К финалу стихи становятся светлее. Потому что жизнь — идёт.

Финал: время идёт. Константин больше не боится.

Константин Аркадьевич Морозов — позывной «Ветер». 36 лет. До войны — владелец мастерской по ремонту электроники на Таганке. Мобилизован как все. Получил кибернетический протез левой руки: датчик Гейгера, лазерный автомат, модуль связи. Всю жизнь писал стихи — чтобы не сойти с ума, чтобы запомнить, чтобы «зашить» ужас в слова.

Снег (Снежок) — белая лайка. Прибилась к колонне на дороге к Уралу. Чует радиацию и дроны раньше датчика Гейгера. Прошла с Константином всю войну. После войны живёт с ним в мастерской.

Вера Дмитриевна Соколова — медик. 29 лет. Ушла из Москвы в первую неделю. Чинит людей. Чинит часы. Чинит Константина.

Сержант Сергей Воронов (Ворон) — 38 лет. Бывший строитель. Доброволец после гибели брата под Смоленском. Научил Константина не подавлять протез, а направлять его.

Полковник Виктор Сергеевич Голубев — 52 года. Кадровый военный. Потерял семью в Москве в первую ночь. Держит Уральский рубеж.

Павел Кузнецов (Пашка) — 22 года. Студент из Твери. Потерял всю семью. Смеётся громче, чем нужно, чтобы заглушить тишину внутри.

Алексей Тихонов (Лёха) — 24 года. Связист. Мать пишет ему бумажные письма.

Егор Смирнов — молчаливый лесник из Сибири. Потерял дом и собаку — лайку по кличке Ветер.

Елена Петровна Морозова — мать Константина. 62 года. Учитель младших классов на Крайнем Севере. Добрейшая женщина на свете. Одна подняла двоих детей после ухода мужа.

Ольга — сестра Константина. Старше на три года. Уехала после школы. Почти не пишет. Константин не знает о ней почти ничего.

Аркадий — отец Константина. Ушёл, когда Константину было четыре. Для него он «умер» тогда же. Жив он или нет — Константин не знает.

Часть I. Остановка

Глава 1. Человек, который не хотел войны

Константин Аркадьевич Морозов никогда не думал, что его жизнь закончится в очереди.

Очередь была длинной, молчаливой, состоящей из таких же, как он — мужчин разного возраста, в разной одежде, с разными лицами. Стояли на сборном пункте, в бывшем спортзале школы, где вместо баскетбольных щитов висели плакаты с призывами, а вместо свистка судьи звучал голос из динамика: «Вторая группа — на медосмотр. Третья — на оформление».

Константин стоял между мужчиной в дорогом костюме, который нервно теребил обручальное кольцо, и парнем в рабочем комбинезоне, который жевал спичку и смотрел в пол. Костюм молчал. Комбинезон молчал. Все молчали. Раньше они, наверное, никогда бы не встретились — слишком разные. Но здесь, в этой очереди, они были одинаковыми. Перед войной все равны.

Константину было тридцать шесть. До войны он был пред-

принимателем — владельцем маленькой мастерской по ремонту электроники на Таганке. Дело шло неплохо: хватало на аренду, на жизнь, на мечты о чём-то большем. Он чинил телефоны, планшеты, старые телевизоры, иногда — ноутбуки. Работал сам, с одним помощником. Жизнь была обычной, предсказуемой, спокойной.

А потом объявили мобилизацию.

Сначала это казалось далёким. Новости говорили о «стабилизации обстановки», о «мерах предосторожности». Потом — о «частичной мобилизации». Потом — о всеобщей. И вдруг оказалось, что очередь стоит не где-то там, в телевизоре, а здесь, в спортзале бывшей школы, между мужчиной в костюме и парнем в комбинезоне.

— Морозов, Константин Аркадьевич? — позвали из-за стола.

— Да.

— Инженер-связист, третья категория. Проходите.

Он прошёл. Его осмотрели, записали, выдали форму — не новую, но крепкую. Выдали планшет, старый, с треснувшим экраном. Выдали сухпаёк. И сказали: «Ждите. Через два дня

— отправка».

Два дня он провёл в казарме, слушая разговоры. Кто-то говорил о семье, кто-то — о работе, кто-то — о том, что «всё это ненадолго». Константин молчал. У него не было семьи — вернее, была мать, далеко на севере, и сестра, о которой он почти ничего не знал. Был дед — вернее, память о деде, старые часы «Амфибия» и мастерская, которую он оставил на помощника.

В кармане у него лежал блокнот — старый, потрёпанный, с загнутыми уголками. Константин писал стихи. Не для кого-то — для себя. Это было его способом разговаривать с миром, когда слов не хватало. Он не показывал их никому. Даже Вере — потом, когда она появилась. Даже матери. Особенно матери. Стихи были слишком честными, слишком тёмными, слишком его.

Часы дед подарил ему в детстве — с условием, что Константин будет их беречь. «Это не просто часы, — говорил дед. — Это время. Ты должен следить за ним, иначе оно уйдёт без тебя».

Дед жил в Алтайском крае, в маленьком селе, на улице Яркина. Дом был старый, с печкой, с яблоневым садом за огородом. Константин помнил, как сидел на крыльце и смотрел,

как дед чинит часы — тонкими отвёртками, прищурившись, с папиросой в зубах. Бабушка в это время пекла хлеб. Мать была далеко — на севере, работала учителем. Она уехала, когда Константину было двенадцать. Не потому, что не любила. Потому что в селе после ухода отца не давали проходу: сплетни, слухи, косые взгляды. Мать не выдержала. Уехала. Константин остался с бабушкой и дедушкой — до восемнадцати.

Он не винил её. Никогда. Она была самой доброй женщиной на свете. Он это знал ещё тогда, в двенадцать, и знал сейчас, в тридцать шесть, стоя в очереди на сборном пункте с письмом от неё в кармане. Письмо было коротким: «Костя, береги себя. Я тебя жду. Мама».

Он не знал, когда сможет ответить. Связь на севере была плохой даже до войны. А теперь — тем более.

Часы шли. Потом остановились — в ту ночь, когда ударили по Москве. Стекло треснуло, стрелки замерли на 2:40. Он не стал их чинить. Не хотел. Пока часы стоят, время как будто ждёт его. Пока он не готов идти дальше.

На третий день его отправили на фронт — в составе колонны, которая шла на восток, к Уралу. По дороге он видел то, что раньше видел только в новостях: разбитые города,

сгоревшие дома, пустые улицы. И людей — тех, кто остался, кто не смог уехать, кто ждал. Они стояли у дороги и смотрели на колонну. Молча. Без надежды. Без злобы. Просто смотрели.

Константин смотрел в ответ. И думал: я не хотел этой войны. Я не хотел быть здесь. Я хотел чинить телефоны, пить чай, хотел жить. Но война пришла сама. И теперь я в ней.

Он достал блокнот. На последней странице было стихотворение, написанное за неделю до мобилизации. Он перечитал его.

«Рябина»

Глазницы продрав ледяной и хлористой,
Смотрю в окно из хрущёвки пористой.
В даль хаотичных хвойных и лиственных — стоят
Железки ржавые и иные, три мусорки посреди двора.
Забор, что держал их от глаз, железный — был когда-то,
Сейчас он потрачен на хлеб и сладости.
Мусор поднясят, подносят потребители
В осенней серой обители силуэты теней,
Что отбросят свой след на кладбище.
Кладбище нашей морали — я кричу из орала в квадрат.
Квадрат пластиковый, квадрат, впускающий свет.

Три показушных дома реставрируют на одной из главных улиц.

Целлофан на рябине висит и пробудет там столько, сколько захочет.

Сорока хохочет, сидит и смеётся, рябина калышится, рябина осыпется.

Всем не в домёк: он строит свой дом, огород, потом ещё дом, огород,

И снова на кладбище — только уже (не морали) —

Лишь честь и руки.

Миллиона лет эволюции, миллионы людей из полиции,

Миллионы полюций, бычки, выложенные крестом возле окна,

Под трубой с замершей лужей под краном.

Так рано просыпается бабулька и идёт поливает цветы, что покрылись коркой.

Из этого крана набирает воды, кто-то ищет отход от проблем.

Напротив, в мусорном баке, отходы ищет человек.

Такой же, как мы, ночью, скрывая свой стыд, как мышь — шелушит в пакете.

Ветром сдувает пластик, и он уже на рябине, а я и рад таковой картине.

Как страшно и одновременно смешно, и я «зашиваю стишок»!

Он закрыл блокнот. Это стихотворение было о Москве — о том, как он видел её каждый день из окна своей мастерской. О хрущёвке напротив, о мусорках, о рябине, на которой вечно висел целлофановый пакет, о бабульке, которая поливала цветы из ржавого крана, о человеке, который ночью рылся в мусорном баке, скрывая свой стыд.

Тогда, до войны, это казалось ему страшным и смешным одновременно. Он писал об этом, чтобы не сойти с ума. Чтобы «зашить» этот ужас в слова. Он не знал, что скоро всё это — хрущёвки, мусорки, рябина, бабулька, человек у бака — исчезнет. Москва умрёт. И это стихотворение станет не картиной настоящего, а воспоминанием о прошлом.

Он посмотрел на часы.

2:40.

И закрыл глаза.

Глава 2. Москва

Москва умерла в 2:40.

Константин не видел этого — он был в мастерской, чинил старый телевизор, слушал радио. Радио замолчало в 2:40. Просто замолчало — без треска, без помех, без объявления. Как будто кто-то выключил звук.

Он выглянул в окно. Небо было серым, как всегда зимой. Ничего не горело, ничего не рушилось. Только тишина. Такая, что он услышал, как бьётся его собственное сердце.

Потом пришло сообщение на телефон: «Точечный удар. Узлы связи. Оставайтесь на местах. Не паникуйте».

Он остался. Не паниковал. Смотрел в окно, слушал тишину. Через час за окном начали ходить люди — молча, без криков, без суеты. Они шли куда-то, все в одном направлении. Константин вышел на улицу, спросил у женщины в пальто:

— Что случилось?

Она посмотрела на него, как на ребёнка.

— Москвы больше нет.

Он не поверил. Пошёл к центру — пешком, через Таганку, мимо пустых машин, мимо брошенных домов, мимо людей, которые стояли и смотрели. Чем ближе к центру, тем больше было разрушений. Сначала — выбитые окна. Потом — обрушенные стены. Потом — целые кварталы, превращённые в груды камня и стекла. И тишина. Такая, что казалось, будто город накрыли стеклянным колпаком.

Он дошёл до Таганской площади. Здесь когда-то был его дом. Теперь — остов, без окон, без крыши, без жизни. Он стоял и смотрел. Долго. Потом повернулся и пошёл обратно.

В мастерской он собрал вещи: документы, немного денег, старые часы деда, фотографию. И блокнот. Блокнот он взял в первую очередь. Больше ничего не было нужно. Он подумал о матери. Она была далеко, на севере, и, наверное, ещё не знала. Или знала — по радио, по слухам, по тому, как замолчали все каналы. Он хотел позвонить, но связи не было. Он написал ей короткое сообщение — «Жив. Уезжаю на восток. Не волнуйся» — и отправил. Оно не дошло. Но всё равно отправил. На всякий случай.

Потом он подумал о сестре. Ольга. Старше на три года. Уехала после школы и почти не писала. Мать в письмах упоминала её редко: «Оля не звонит», «Оля, наверное, опять переехала». Константин не знал, где она. Жива ли. Он надеялся, что жива. Но не знал.

И ещё он подумал об отце. Аркадий. Ушёл, когда Константину было четыре. Для него он «умер» тогда же. Мать никогда не говорила, жив он или нет. Константин не спрашивал. Редко вспоминал. Но иногда — вспоминал. Как отец подбрасывал его в воздух. Как пахло от него табаком и снегом. Как он ушёл — и не вернулся. Больше ничего.

Он вышел на улицу, сел в первый попавшийся автобус — военный, с солдатами, которые молчали и смотрели в пол, — и уехал.

Москва осталась позади. Мёртвая, пустая, но всё ещё стоящая. Как часы на его запястье: время остановилось, но механизм цел.

В автобусе он достал блокнот и написал новое стихотворение — длинное, рваное, злое.

«После»

Вышел в город, который был мной,
как бутылка в руке алкаша — пустой,
как глазница, продранная в черепе,
как карман, где дыра, а не деньги.
Шёл по Таганке, тени домов
ложились на снег, как следы от оков.
Качели — вороны сидят, не стесняются.
Фонтан — осколки, как звёзды, блистаются.
Рябина — на ней целлофан.
Он был там до бомбы. Он будет и там,
когда я уйду, когда всё зарастёт,
когда кто-то новый сюда придёт
и скажет: «Смотрите, красиво! Рябина!»
Не зная, что это — могила. Не ваза. Не глина.

Я крикнул в пустоту: «Эй! Есть кто живой?»
Пустота: «Я. Я — твой.
Я — то, что осталось, когда ты ушёл.
Я — то, что ты бросил. Я — то, что нашёл.
Я — город, который ты не сберёг.
Я — пепел. Я — память. Я — твой потолок».

Сел на ступеньки, где раньше курил,
где с Ленкой о смысле чего-то говорил,
где пил пиво с Пашкой, где плакал тайком,
где жил. Где дышал. Где был человеком.

Теперь я — протез. Теперь я — осколок.
Теперь я — стишок, что зашит в узелок.

Рябина осыпется. Пакет улетит.
Кто-то новый придёт и всё повторит.
А я? Я останусь. В стихах. В целлофане.
В том парне, что курит на этой же лавке.
В той девочке, что не дождётся отца.
В том городе, что не дождётся конца.

Зашейте мне рот целлофаном с рябины.
Зашейте мне глаз пластилином из глины.
Я — город. Я — пепел. Я — память. Я — снег.
Я — тот, кто не смог.
Я — тот, кто не смог.
Я — тот, кто не смог.

Он закрыл блокнот. Посмотрел на часы.

2:40.

И закрыл глаза.

Глава 3. Почему они воюют

В учебке, куда Константина привезли через месяц, ему выдали протез и объяснили, что происходит.

Дело было не в Украине. С Украиной мир подписали ещё год назад — тяжёлый, невыгодный, но мир. Война должна была закончиться. Но она не закончилась. Потому что те, кто её начал, не хотели, чтобы она заканчивалась.

— Смотри, — сказал ему капитан медицинской службы, молодой парень с усталыми глазами, пока техник прикручивал протез. — Украина — это была не война. Это был повод. Настоящая война началась потом. Когда Европа поняла, что мир с Россией означает конец их собственной системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.